

✓ О ВРЕМЕНИ И МѢСТѢ КРЕЩЕНІЯ

РУССКОЙ

ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ОЛЬГИ.

(ОПЫТЪ ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКАГО РАЗБОРА).

В. Саввы.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія К. Л. Счасни, Сумская ул., д. № 1-й.

1890.

Печатано по опредѣленію Историко-Филологическаго Общества при Император-
скомъ Харьковскомъ Университетѣ, состоявшемуся въ засѣданіи 8 Ноября 1890 г.

Предсѣдатель Профессоръ М. Дриновъ.

ХАРЬКОВЪ.

1890

Интересуясь извѣстіями византійскаго императора Константина Багрянороднаго о Кіевской Руси, я избралъ темою для студенческаго сочиненія его описанія: пути Русскихъ изъ Россіи въ Константинополь, полюдья и пріемовъ великой княгини Ольги въ Константинополь во дворцѣ императорскомъ.

Первое изъ нихъ, въ которомъ Багрянородный сообщаетъ русскія и славянскія названія днѣпровскихъ портовъ, обратило на себя особенное вниманіе ученыхъ. И норманисты и антинорманисты, согласные въ томъ, что названія пороговъ дошли до насъ въ искаженномъ видѣ, и что нѣтъ возможности провѣрить эти названія, нигдѣ болѣе не встрѣчающіеся, дѣлали въ нихъ разныя поправки, полагая, что они очищаютъ ихъ отъ искаженій. Каждый изслѣдователь, держась того или другаго направленія, соглашается съ прежде высказанными объясненіями въ толкованіи русскихъ названій изъ извѣстнаго языка, но самыми филологическими объясненіями не удовлетворяется, дѣлаетъ попытки иныхъ объясненій, при чемъ даже предлагаются на выборъ по два объясненія для одного и того же названія.

Признавая себя не въ силахъ удовлетворительно рѣшить вопросъ: изъ какого языка происходятъ сообщенныя Багрянороднымъ русскія названія днѣпровскихъ пороговъ, ибо названія эти, какъ искаженныя, можно толковать изъ разныхъ языковъ (см. Лерберга „Изслѣдованія“, гдѣ приведены мнѣнія: кн. Щербатова, Болтина, Байера, Струбе, Тунманна; Карамзина, Погодина, г. Геденова, И. Е. Забѣлина, г. Бруна, Д. И. Иловайскаго, В. Миллера), и считая оконченнымъ вопросъ о значеніи словъ *Тѣ полѣдѣа* и *Гѣра* въ извѣстіи Багрянороднаго объ ежегодныхъ поѣздкахъ русскихъ князей въ земли Славянъ-данниковъ (см. „Рус. Ист.“ Бестужева-Рюмина II. 109; и Ж. М. Н. П. 1873 г. мартъ стр. 113. Н. А. Лавровскаго „О гирѣ Константина Багрянороднаго“), я вновь теперь пересмотрѣлъ часть моего перваго опыта—извѣстіе Багрянороднаго о пребываніи великой княгини Ольги въ Константинополь.

Между учеными существуетъ разногласіе относительно происхожденія великой княгини Ольги, времени и мѣста ея крещенія. Хилковъ, Татищевъ, Елагинъ, кн. Щербатовъ, Эминъ, основываясь на такъ называемой Іоакимовой лѣтописи, считали Ольгу славянкою, родственницею Гостомысла. Стриттеръ и Шлецеръ, за неимѣніемъ достовѣрныхъ данныхъ, оставили вопросъ

о родѣ вел. княгини Ольги не рѣшеннымъ. Карамзинъ указываетъ на извѣстіе о варяжскомъ происхожденіи Ольги въ особенномъ ея житіи и въ другихъ новѣйшихъ историческихъ книгахъ. Погодинъ полагаетъ, что Ольга была варяжскаго рода („Изслѣдованія“ т. III стр. 88—94). Проф. Голубинскій держится того-же мнѣнія („Исторія рус. церкви“ I, 1, 63). Недавно вопросъ о родѣ вел. княгини Ольги снова былъ поднятъ. Архимандритъ Леонидъ, найдя въ одномъ историческомъ сборникѣ второй половины XV в. отрывокъ изъ древняго лѣтописца съ извѣстіемъ о болгарскомъ происхожденіи Ольги, пришелъ къ заключенію, что это извѣстіе достовѣрно („Рус. Старина“ 1888 г. іюль). Противъ такого мнѣнія выступилъ проф. Малышевскій (Ольга, говоритъ онъ, была родомъ не изъ Болгаріи, а изъ Руси, не изъ болгарской Плискувы, а изъ русскаго Плескова; происходила она изъ знатнаго княжескаго или княжско-боярскаго рода того-же варяжскаго племени, къ которому принадлежали Рюрикъ, Олегъ и Игорь.) („Происхожденіе рус. вел. княгини Ольги св.“ Оттискъ изъ Киевск. Стар. 1889 г.).

Полагая вновь поднятый вопросъ достаточно исчерпаннымъ въ изслѣдованіи проф. Малышевскаго, обратимся къ вопросу о мѣстѣ и времени крещенія Ольги. Вопросъ этотъ былъ подвергнутъ пересмотру проф. Голубинскимъ, пришедшимъ къ новымъ выводамъ („Исторія рус. церкви“ I, 1, 63—73). Въ книгѣ проф. Голубинскаго помѣщенъ переводъ извѣстія Константина Багрянороднаго о приѣмахъ вел. княгини Ольги въ Константинополѣ во дворцѣ императорскомъ (см. также у Шлецера „Несторъ“ III, 408). Переводъ этотъ, сравненный съ греческимъ текстомъ извѣстія при помощи словаря Du—Cange (Glos. ad scriptores mediae et infimae Graecitatis), почти дословно повторенъ въ предлагаемомъ изслѣдованіи, писанномъ non ad probandum sed ad docendum.

Δοχή τῆς Ἑλγας τῆς Ῥωσένης.

Μηνὶ Σεπτεμβρίῳ θ', ἡμέρα δ', ἐγένετο δοχὴ κατὰ πάντα ὁμοία τῆς προῤῥηθείσης δοχῆς ἐπὶ τῇ ἐφόδῳ Ἑλγας τῆς ἀρχοντίσης Ῥωσίας, καὶ εἰσῆλθεν αὐτὴ ἡ ἀρχόντισσα μετὰ τῶν οἰκείων αὐτῆς συγγενῶν ἀρχοντισσῶν καὶ προκρειτοτέρων θεραπεινῶν, ἐκείνη μὲν προηγουμένη πασῶν τῶν ἄλλων γυναικῶν, ἐκεῖναι δὲ ἐνορδίνως ἐτέρα τὴν ἐτέραν ἀκολουθῆσαι, καὶ ἔστη ἐν ᾧ τόπῳ εἴωθεν ὁ λογοθέτης τὰς ἐρωτήσεις ποιεῖσθαι. Ὅπινθεν δὲ αὐτῆς εἰσῆλθον οἱ τῶν ἀρχόντων Ῥωσίας ἀποκρισιάριοι καὶ πραγματευταί, καὶ ἔστησαν κάτωθεν εἰς τὰ βήλα, καὶ τὰ ἐξῆς ἐτελέσθη κατὰ τὴν προῤῥηθείσαν δοχὴν.

Καὶ ἐξεληθοῦσα πάλιν δια τοῦ ἀναδενδράδιου καὶ τοῦ τρικλίνιου τῶν κανδιδάτων τοῦ τε τρικλίνιου, ἐν ᾧ τὸ καμελαύκιον ἴσταται καὶ οἱ μάγιστροι γίνονται, διῆλθεν διὰ τοῦ ὀνόποδος καὶ τῆς χρυσῆς χειρός, ἥτοι τοῦ πόρτηκος τοῦ αὐγουστέως, καὶ ἐκαθέσθη ἐκεῖσε.

Τοῦ δὲ βασιλέως κατὰ τὴν εἰωθυῖαν τάξιν εἰσελθόντος ἐν τῷ παλατίῳ, γέγονεν ἐτέρα δοχὴ τρόπῳ τοιῷδε. Ἐν τῷ τρικλίνῳ τοῦ Ἰουστινιανοῦ ἔστη πούλπιτον ἀπὸ ὀξέων δινισίων βλαττίων ἐσκεπασμένον, καὶ ἐν αὐτῷ ἔστη ὁ μέγας θρόνος Θεοφίλου τοῦ βασιλέως, καὶ ἐκ πλαγίου σελλίον χρυσοῦν βασιλικόν. Τὰ δὲ δύο ἀργυρᾶ ὄργανα τῶν δύο μερῶν ἔστησαν κάτωθεν, ἔσωθεν τῶν δύο βήλων. Τὰ γὰρ αὐλοῦντα ἔξω τῶν βήλων ἔστησαν. Καὶ προσκληθεῖσα ἡ ἀρχόντισσα ἀπὸ τοῦ αὐγουστέως, τῆς τε ἀψίδος καὶ τοῦ ἵπποδρόμου, τῶν ἐνδοτέρων διαβατικῶν τοῦ

Πριεὶμъ русской княгини Ольги.

9-го сентября въ среду былъ пріемъ во всемъ сходный съ выше изложеннымъ по случаю прибытія Ольги, княгини Русской". 1) Вошла сама княгиня съ своими родственницами княгинями и съ старшими своими служанками: она — идя впереди всѣхъ прочихъ женщинъ, а тѣ — въ порядкѣ слѣдую одна за другою; и стала она на томъ мѣстѣ, гдѣ логоуетъ обыкновенно предлагаетъ вопросы. За нею вошли послы и купцы Русскихъ князей и стали ниже у зановѣсей, при чемъ все послѣдующее совершилось какъ въ выше изложенномъ пріемѣ.

Вышедши назадъ черезъ анадендрадій, залу кандидатовъ и залу, въ которой находится царскій вѣнецъ и производятся магистры, она прошла черезъ оноподъ и золотую руку или портикъ августеоны и сѣла тамъ.

Когда-же императоръ по обыкновенному чину вошелъ въ парадное отдѣленіе дворца, то произошелъ другой пріемъ слѣдующимъ образомъ: въ залѣ Юстиніана стоялъ помостъ покрытый красными золотомъ вышитыми коврами, и на немъ былъ великій тронъ императора Θεοφιλα, а съ боку золотое императорское кресло. Два серебряные органа двухъ партій находились ниже за двумя зановѣсями, органы-же на которыхъ играютъ, стояли внѣ зановѣсей. Княгиня, вызван-

αὐτοῦ αὐγουστέως διήλθεν, καὶ ἐλθοῦσα ἐκαθέσθη εἰς τὰ σκύλα. Ἡ δὲ δέσποινα ἐκαθέσθη ἐν τῷ προρρήθέντι θρόνῳ, καὶ ἡ νόμφη αὐτῆς ἐν τῷ σελλίῳ, καὶ εἰσῆλθεν τὸ κουβούκλειον ἅπαν, καὶ διὰ τοῦ πραιποσίτου καὶ τῶν ὀστιάριων εἰσῆχθησαν βῆλά· βῆλον α', αἱ ῥωσταί· βῆλον β', αἱ μαγίστρισαι· βῆλον γ', αἱ πατρίκιαι· βῆλον δ', αἱ ὀφικιαλαί· πρωτοσπαθαρεά· βῆλον ε', αἱ λοιπαὶ πρωτοσπαθαρεά· δῆλον ς', αἱ σπαθαροκινδιδάτισσαι· βῆλον ζ', αἱ σπαθαρεά καὶ στρατώρισαι καὶ κανδιδάτισσαι. Εἴθ' οὕτως εἰσῆλθεν ἡ ἀρχόντισσα διὰ τοῦ πραιποσίτου καὶ τῶν δύο ὀσταρίων, αὐτὴ μὲν προηγουμένη, ἐπακολουθοῦσαι δέ, καθὰ προεῖρηται, αἶτε συγγενεῖς αὐτῆς ἀρχόντισσαι καὶ αἱ προκρειστοτέρας τῶν θεραπαίνων αὐτῆς. Καὶ γέγονεν παρα τοῦ πραιποσίτου ἐρώτησις πρὸς αὐτήν, ὡς ἐκ τῆς αὐγουστής, καὶ ἐξελθοῦσα ἐκαθέσθη εἰς τὰ σκύλα. Ἡ δὲ δέσποινα ἀναστὰσα ἀπὸ τοῦ θρόνου διήλθεν δια τοῦ λαυσιακοῦ καὶ τοῦ τριπέτωνος, καὶ εἰσῆλθεν εἰς τὸν καινούργιον, καὶ δι' αὐτοῦ εἰς τὸν αὐτῆς κοιτῶνα, καὶ εἴθ' οὕτως ἡ ἀρχόντισσα μετὰ τῶν συγγενῶν αὐτῆς καὶ θεραπαίνων, εἰσῆλθεν δια τοῦ Ἰουστινιανοῦ καὶ τοῦ λαυσιακοῦ καὶ τοῦ τριπέτωνος εἰς τὸν καινούργιον, καὶ ἀνεπαύσατο. Εἴτα καθεσθεὶς ὁ βασιλεὺς μετὰ τῆς αὐγουστής καὶ τῶν πορφυρογεννῆτων αὐτοῦ τέκνων, προσελήθη ἡ ἀρχόντισσα ἀπὸ τοῦ καινουργίου τρικλίνου, καὶ κελεύσει τοῦ βασιλέως καθεσθεῖσα, ἐλάλησεν, ὅσα ἐβούλετο, πρὸς τὸν βασιλέα. Τῇ δὲ αὐτῇ ἡμέρᾳ γέγονεν κλητώριον ἐν τῷ αὐτῷ τρικλίῳ τοῦ Ἰουστινιανοῦ. Ἐκαθέσθη ἐν τῷ προρρήθέντι θρόνῳ ἡ δέσποινα καὶ ἡ νόμφη αὐτῆς, ἡ δὲ ἀρχόντισσα ἐκ πλαγίου ἔστη· ὑπὸ δὲ τοῦ τῆς τραπεζῆς κατὰ τὸν εἰωθότα τύπον εἰσελθουσῶν τῶν ἀρχοντισσῶν καὶ προσκυνησάντων, ἡ ἀρ-

ная изъ августеоны, прошла черезъ апсидъ, ипподромъ и внутреннiе переходы того-же августеоны и, придя въ залъ трофеевъ, сѣла тамъ. Императрица (Елена) сѣла на упомянутомъ тронѣ (Θεοφιλα), а невѣстка ея (Анастасiя Θεοφано) на креслѣ, и вошелъ весь кувуклiй (низшiй разрядъ придворныхъ), препозитомъ-же и остiарiями введены были степени: степень 1-я—зосты, степень 2-я—магистриссы, степень 3-я—жены патрикiевъ, степень 4-я—официальныя протоспатарей, степень 5-я—остальныя протоспатарей, степень 6-я—спатарокандидатиссы, степень 7-я—спатарей, страториссы и кандидатиссы. Потомъ была введена княгиня препозитомъ и двумя остiарiями: сама она шла впереди, а за нею слѣдовали, какъ было сказано, княгини ея родственницы и старшiя служанки. Ей былъ сдѣланъ вопросъ препозитомъ отъ имени императрицы, и вышедши сѣла она въ залѣ трофеевъ. Императрица-же, вставши съ трона, прошла черезъ лавзаикъ и трипетонъ и вошла въ кенургiй, и черезъ него въ свои внутреннiе покои, а княгиня съ родственницами своими и служанками вошла черезъ залу Юстинiана, лавзаикъ и трипетонъ въ кенургiй, и отдохнула тамъ. Затѣмъ сѣлъ императоръ съ императрицей и порфирородными своими дѣтьми, княгиня была приглашена изъ залы кенургiя, сѣла по приглашенiю императора и говорила съ нимъ о чемъ желала. Въ тотъ же день былъ парадный столъ въ той-же самой залѣ Юстинiана. Императрица и ея не-

χόντισσα τὴν κεφαλὴν μικρὸν ὑποκλίνασα, ἐν ᾧ τόπῳ ἵστατο, ἐκαθέσθη εἰς τὸ ἀποκοπτὸν μετὰ τῶν ζωστῶν κατὰ τὸν τύπον.

Ἰστέον, ὅτι οἱ ἀποστολῆται ψάλλται καὶ οἱ ἀγιοσοφῖται παρῆσαν ἐν τῷ αὐτῷ κλητωρίῳ ἄδοντες τὰ βασιλῖκια. Ἐπαῖξαν δὲ καὶ τὰ θυμελικά πάντα παίγνια. Ἐν δὲ τῷ χρυσотриκλίνῳ γέγονεν ἕτερον κλητώριον, καὶ ἔφαγον πάντες οἱ ἀποκρισιάριοι τῶν ἀρχόντων Ῥωσίας καὶ οἱ ἄνθρωποι καὶ συγγενεῖς τῆς ἀρχοντίσης καὶ οἱ πραγματευταί, καὶ ἔλαβον ὁ μὲν ἀναψιδὸς αὐτῆς мил. λ', οἱ ἡ' ἴδιοι αὐτῆς ἀνὰ мил. κ', οἱ κ' ἀποκρισιάριοι ἀνὰ мил. ιβ', οἱ μγ' πραγματευταί ἀνὰ мил. ιβ', ὁ παπᾶς Γρηγόριος мил. η', οἱ δύο ἐρμηνευταί ἀνὰ мил. ιβ', οἱ ἄνθρωποι τοῦ Σφενδοσθλάβου ἀνὰ мил. ε', οἱ ε' ἄνθρωποι τῶν ἀποκρισιारीων ἀνὰ мил. γ', ὁ ἐρμηνεὺς τῆς ἀρχοντίσης мил. ιε'.

Μετὰ δὲ τὸ ἀναστῆναι τὸν βασιλέα ἀπὸ τοῦ κλητωρίου ἐγένετο δοῦλκιον ἐν τῷ ἀριστητηρίῳ, καὶ ἔσθη ἡ χρυσῇ μικρὰ τράπεζα ἡ ἐν τῷ πενταπυργίῳ ἱσταμένη, καὶ ἐτέθη ἐν αὐτῇ δοῦλκιον διὰ χειμευτῶν καὶ διαλίθων σκουτελλίων, καὶ ἐκαθέσθη ὁ βασιλεὺς καὶ Ῥωμανὸς ὁ Πορφυρογέννητος βασιλεὺς καὶ τὰ πορφυρογέννητα τούτων τέκνα καὶ ἡ ἀρχόντισσα, καὶ ἐδόθη τῇ ἀρχοντίσῃ ἐν χρυσῷ διαλίθῳ σκουτελλίῳ мил. φ', καὶ ταῖς ἐξ ἰδίαις αὐτῆς ἀνὰ мил. κ', καὶ ταῖς ἐν' θεραπαίαις αὐτῆς ἀνὰ мил. η'.

Μηνὶ Ὀκτωβρίῳ ἐν' ἡμέρᾳ κυριακῇ, ἐγένετο κλητώριον ἐν τῷ χρυσотриκλίνῳ, καὶ ἐκαθέσθη ὁ βασιλεὺς μετὰ τῶν Ῥῶς. Καὶ πάλιν γέγονεν ἕτερον κλητώριον ἐν τῷ πεντακουβουκλείῳ τοῦ ἁγίου Παύλου, καὶ ἐκαθέσθη ἡ δέσποινα μετὰ τῶν πορφυρογεννήτων αὐτῆς τέκνων καὶ τῆς νύμφης καὶ τῆς ἀρχοντίσης, καὶ ἐδόθη τῇ μὲν ἀρχοντίσῃ

вѣстка сѣли на упомянутомъ тронѣ, а княгиня стала съ боку; когда-же церемоніймейстеромъ стола были введены по обычному чину княгини (родственницы Ольги) и поклонились, то княгиня, наклонивъ немного голову, гдѣ стояла, на томъ мѣстѣ сѣла за не большой столъ съ зостами по чину.

Должно знать, что пѣвчіе церкви апостоловъ и св. Софіи присутствовали при этомъ обѣдѣ воспѣвая императорскіе гимны; были также играны всякія театральныя игры. Въ хризотриκλινѣ-же былъ другой столъ, гдѣ обѣдали послы князей русскихъ и люди и родственники княгини и купцы, и получили они: племянникъ княгини 30 миліарисіевъ, 8 людей ея по 20 мил., 20 пословъ по 12 мил., 43 купца по 12 мил., священникъ Григорій 8 мил., 2 переводчика по 12 мил., люди Святослава по 5 мил., 6 людей пословъ по 3 мил., переводчикъ княгини 15 мил.

Послѣ того какъ императоръ всталъ изъ-за стола, былъ данъ десертъ въ залѣ для завтраковъ, въ который былъ поставленъ не большой золотой столъ, который стоитъ въ пятибашенѣ, и на немъ былъ разложенъ десертъ на блюдахъ украшенныхъ эмалью и драгоценными камнями, и сѣлъ императоръ и Романъ Порфирогеннитъ и порфирородныя дѣти ихъ и невѣстка и княгиня; княгинѣ было поднесено на золотомъ украшенномъ драгоценными камнями блюдѣ 500 мил., 6 ближнимъ ея женщинамъ по 20 мил., 18 служанкамъ по 8 мил.

мл. σ', τῷ δὲ ἀνεψίῳ αὐτῆς мл. κ', τῷ πατρὶ Γρηγορίῳ мл. η', ταῖς ἐξ' ἰδίαις αὐτῆς ἀνα мл. ιβ', ταῖς ἐκ' αὐτῆς αὐτῆς ἀνα мл. ε', τοῖς κβ' ἀποκρισίου ἀνα мл. ιβ', τοῖς μδ' πραγματοῦται ἀνα мл. ε', τοῖς οὐο ἐρηγεῦται ἀνα мл. ιβ'. (De cerim. aul. Byz. Const. Porphyg. p. 594 ed. B.).

18-го октября въ воскресенье былъ порадный обѣдъ въ хризотриклинѣ, и сидѣлъ императоръ съ Русскими. И опять былъ другой порадный обѣдъ въ пентакувукліѣ св Павла, и присутствовала императрица съ порфирородными своими дѣтьми, невѣсткой и княгиней, и дано было княгинѣ 200 мил, племяннику ея 20 мил., священнику Григорію 8 мил., 18 ближнимъ ея женщинамъ по 6 мил., 22 посламъ по 12 мил., 44 купцамъ по 6 мил., 2 переводчикамъ по 12 миліарисіевъ.

Императоръ Константинъ Багрянородный сообщаетъ въ приведенномъ извѣстіи, что великая княгиня Ольга была принимаема: 9-го сентября въ среду и 18-го октября въ воскресенье. Указанныя числа по пасхальному кругу были въ среду и въ воскресенье въ 946 и 957 г.г. Но изъ русской лѣтописи видно, что Ольга не могла быть въ Константинополѣ въ 946 г., ибо лѣтописецъ передаетъ, что въ этомъ году она была занята походомъ въ землю Древлянъ, гдѣ осаждала городъ ихъ Искоростень „лѣто“, затѣмъ занялась устройствомъ земли Древлянъ и, возвратившись въ Кіевъ, оставалась въ немъ „лѣто едино“ (Лавр. сп, изд. 1872 г. стр. 56), а въ 947 г. отправилась въ Новгородъ.

Извѣстіе Багрянороднаго подтверждаетъ, что приемы Ольги происходили не въ 946 г., а въ 957 г., ибо онъ говоритъ, что при угощеніи Ольги присутствовали дѣти его и сына его Романа, но Романъ, родившійся въ 939 г., ²⁾ не могъ имѣть дѣтей въ 946 г., кромѣ того, врядъ-ли сама Ольга могла предпринять путешествіе въ Царьградъ на другой годъ послѣ трагической смерти своего мужа, когда ей предстояло много дѣла по управленію государствомъ вслѣдствіе малолѣтства сына.

Всѣ эти соображенія съ избыткомъ доказываютъ, что приемы Ольги въ Царьградѣ происходили въ 957 г.

Такимъ образомъ Багрянородный передаетъ, что Ольга была въ Царьградѣ въ 957 г., и что съ нею былъ священникъ Григорій, но о крещеніи ея ничего не говоритъ.

По русской лѣтописи Ольга была въ Константинополѣ въ 955 г., приняла тамъ крещеніе отъ патріарха и воспріемникомъ ея былъ греческій императоръ. Въ лаврентьевскомъ спискѣ воспріемникомъ Ольги названъ Цимисхій, который былъ императоромъ византійскимъ отъ 969 г. — года кончины Ольги — по 976 г. Въ ипатскомъ спискѣ правильно названъ Константинъ, сынъ Льва.

Во многихъ спискахъ лѣтописи крестившій Ольгу патріархъ названъ Фотіемъ. Если Ольга была крещена въ Константинополѣ патріархомъ въ 955 г., то не Фотіемъ, въ то время уже умершимъ, а Теофилактомъ, который въ 955 г. былъ на патріаршемъ престолѣ и умеръ въ 956 г., бывъ патріархомъ 23 г.³⁾ Послѣ него вступилъ на патріаршій престолъ Полиевктъ. Лѣтопись еще передаетъ, будто византійскій императоръ прельстился красотою Ольги и хотѣлъ ее сдѣлать своею супругою, но въ это время была жива супруга Константина Елена, и Ольгѣ было за 60 лѣтъ (Карамзинъ I прим. 382 изд. Эйнерлинга).

Изъ сравненія лѣтописнаго сказанія о крещеніи Ольги съ извѣстіемъ Багрянороднаго о приѣмахъ ея въ Царьградѣ видимъ, что лѣтопись не согласна съ нимъ относительно года пребыванія Ольги въ Царьградѣ, который (годъ) по лѣтописи связанъ съ ея крещеніемъ, а о послѣднемъ Багрянородный ничего не говоритъ. Молчаніе-же его о столь важномъ событіи, какимъ было-бы крещеніе въ Константинополѣ княгини Русскихъ, которыхъ Греки старались обратить въ Христіанство, заставляетъ насъ усомниться въ лѣтописномъ извѣстіи о мѣстѣ крещенія Ольги.

Изъ ближайшихъ ко времени Багрянороднаго византійскихъ историковъ рассмотримъ извѣстія Кедрина (XI в.) и Зонары (XII в.).

Кедринъ сообщаетъ, что „Ольга, супруга русскаго князя, который совершилъ морской набѣгъ на Византійцевъ, по смерти мужа своего была въ Константинополѣ; крещенная, она выказала стремленіе къ истинному благочестію и, достойно этого стремленія почтенная, возвратилась домой.“⁴⁾ Тоже самое передаетъ и Зонара, только у него вмѣсто: была въ Константинополѣ (*παρουμένη ἐν Κωνσταντινουπόλει*) написано: явилась къ императору (*προσῆλθε τῷ βασιλεῖ*. Zon. lib. XVI p. 194 ed. 1687 ap.), но смыслъ получается одинъ и тотъ-же.

Ни Кедринъ ни Зонара не говорятъ, что воспріемникомъ Ольги былъ императоръ и что ее крестилъ патріархъ, а также не указываютъ года ея пребыванія въ Царьградѣ, но послѣ извѣстія о ней сообщаютъ о второмъ бракѣ Романа сына Багрянороднаго: „когда умерла дѣвица—супруга Романа, дочь короля франціи Гуго, какъ было сказано будучи дѣвственною, то императоръ-отецъ женилъ своего сына на другой, по имени Анастасія, не знатнаго происхожденія..... названной имъ Теофано.“⁵⁾ Какъ видно, извѣстія о крещеніи Ольги въ Константинополѣ и о второмъ бракѣ Романа помѣщены не въ хронологическомъ порядкѣ, что могло произойти оттого, что и Кедринъ и Зонара или не считали важнымъ годъ пребыванія Ольги въ Константинополѣ или не знали его.

Константинъ Багрянородный въ *De cerim.* сообщаетъ, что при приѣмахъ Ольги въ Царьградѣ были супруги его и Романа съ дѣтьми, а изъ дѣтей Романа могъ быть Василій, родившійся въ 956 г. отъ Анастасіи Теофано.⁶⁾

Отъ первой своей супруги Романъ не имѣлъ дѣтей, Кедринъ называетъ ее *χώρα* и *παρθένος*, какъ-бы подчеркивая, что она была дѣвственною въ бракѣ, къ тому-же и самъ Романъ былъ въ то время очень молодъ. Такимъ образомъ бракъ Романа съ Теофаномъ, бывшій до 957 г., помѣщенъ Кедринымъ и Зонорою такъ, какъ будто онъ былъ послѣ 957—года посѣщенія Царьграда Ольгою. Перепутавъ время событія, они могли невѣрно передать и самое событіе. Для Грековъ было лестно, что владыки другихъ народовъ пріѣзжали къ нимъ въ Царьградъ, гдѣ такъ поражались великолѣпіемъ богослуженія, святынями, что убѣждаясь въ истинѣ христіанства принимали у нихъ крещеніе; далѣе, были случаи крещенія варварскихъ князей въ Константинополѣ, самъ Кедринъ рассказываетъ о крещеніи двухъ венгерскихъ князей въ Константинополѣ и вслѣдъ затѣмъ передаетъ о крещеніи Ольги, такъ что для него пріѣздъ ея въ Царьградъ могъ быть не съ иною какою цѣлью какъ для крещенія. И у Кедрина и у Зонары извѣстіе о крещеніи Ольги очень кратко, тогда какъ они пространно повѣствуютъ о Гиласѣ и Вулосудѣ — двухъ венгерскихъ князьяхъ, и ясно и опредѣленно говорятъ, что оба они были крещены въ Константинополѣ. 7)

Продолжатель аббата Регина, современникъ описываемаго событія, подъ 959 г. передаетъ, что: „послы Елены (Ольги), королевы Руговъ (Русовъ), которая при константинопольскомъ императорѣ Романѣ была крещена въ Константинополѣ, ложно, какъ послѣ оказалось, прибывъ къ императору Оттону, просили епископа и священниковъ для этого народа;“ 8) какъ видно изъ самаго извѣстія, Ольга и не думала посылать къ императору Оттону за епископомъ и священниками, которые, какъ передаетъ тотъ-же лѣтописецъ, должны были возвратиться назадъ отъ Русскихъ, ничего не успѣвъ сдѣлать, такъ какъ увидѣли, что труды ихъ напрасны.

Въ сообщеніи продолжателя аббата Регина можно усомниться уже потому, что если одна неточность допущена въ описаніи имени императора Константина и въ названіи сына его Романа, который былъ только соправителемъ отца, и потому событія, бывшія при его отцѣ, не могли отмѣчаться его именемъ, то могло быть невѣрно передано и самое событіе. Быть можетъ, что эти самые ложные послы и сообщили Продолжателю, что Ольга была крещена въ Константинополѣ, сами не зная точно, гдѣ она крестилась.

Ольга могла креститься въ Кіевѣ безъ огласки, такъ что о ея крещеніи знали только близкіе къ ней и христіане кіевскіе, не потому что она боялась народа, а потому что сознавала, что примѣръ ея не убѣдитъ язычниковъ перемѣнить вѣру, и что пока великій князь не крестится, до тѣхъ поръ христіанство не будетъ имѣть силы въ Кіевѣ. Незнавшіе, что Ольга крестилась до пріѣзда въ Константинополь, могли подумать, что она крес-

тилась въ Константинополѣ, потому что какъ бы официально обнаружилось ея христіанство въ этомъ городѣ.

У Длугоша есть извѣстіе о крещеніи Ольги въ Константинополѣ.⁹⁾ Но онъ, заимствовавшій русскія извѣстія изъ русской лѣтописи, и это извѣстіе взялъ оттуда-же.

Большинство изъ ученыхъ, занимавшихся вопросомъ о крещеніи Ольги, склонялось къ тому мнѣнію, что Ольга крестилась въ Царьградѣ въ 957 г., слѣдуя такимъ образомъ показанію лѣтописи относительно мѣста событія, относительно-же времени принимая годъ, указанный Багрянороднымъ не какъ годъ крещенія Ольги, но какъ время ея пребыванія въ Константинополѣ.

Пр. Евгений Булгарисъ полагаетъ время крещенія Ольги въ Константинополѣ въ 956 г., въ подтвержденіе чего ссылается на Кедрина и Зонару, у которыхъ извѣстіе о крещеніи Ольги помѣщено предъ разсказомъ о кончинѣ патріарха Теофилакта, послѣдовавшей въ 956 г., но такого подтвержденія въ порядкѣ извѣстій Кедрина и Зонара находить нельзя, ибо и извѣстіе о второмъ бракѣ Романа, сына Багрянороднаго, помѣщено у нихъ послѣ разсказа о пребываніи и крещеніи Ольги въ Константинополѣ предъ извѣстіемъ о смерти патріарха Теофилакта, между тѣмъ какъ сынъ отъ этого втораго брака Романа присутствовалъ при приѣмѣ Ольги („Истор. розысканіе о времени крещенія Рос. вел. кн. Ольги“. Евгения Булгариса 1792 г. Спб.). Далѣе, Евгений Булгарисъ говоритъ, что императоръ Константинъ потому не упоминаетъ въ *De cerim. aul. Byz.* о крещеніи Ольги, что описаніе этого крещенія не соотвѣтствовало бы цѣли сочиненія, о которой онъ трактуетъ въ предисловіи къ этому своему труду, поэтому молчаніе Багрянороднаго о крещеніи Ольги въ Царьградѣ при описаніи ея приѣмовъ не есть доказательство того, что Ольга не крестилась въ Царьградѣ. „Хотя императоръ Константинъ, говоритъ Булгарисъ, описываетъ нѣкоторыя торжества, съ коими отправлялись купно и священныя обряды, какъ напримѣръ, что должно было, соотвѣтственно достоинству особы императорской, наблюдать когда присутствовалъ онъ въ крестныхъ ходахъ, или при отправленіи службы божіей въ церквѣ, но обрядовъ прямо церковныхъ, каковъ былъ исполненъ при крещеніи княгини Ольги, не имѣлъ онъ нужды нигдѣ описывать въ своихъ книгахъ“ (стр. 59). Конечно, обрядовъ церковныхъ Константину не нужно было описывать, но разъ только онъ былъ воспріемникомъ княгини Ольги, то при крещеніи ея были-бы соблюдаемы извѣстные обряды не церковныя, а придворныя, какъ напр. при приходѣ императора въ церковь для воспріемничества и при удаленіи его изъ нея; съ императоромъ могъ быть его дворъ, присутствіе котораго не обошлось-бы безъ извѣстныхъ церемоній, которыя Багрянородный и описалъ бы, не удаляясь нисколько отъ цѣли своего сочиненія, если-бы даже онъ строго придерживался ея, чего на самомъ дѣлѣ

не было. Но если Константинъ былъ восприемникомъ Ольги не какъ императоръ, по предположенію Булгариса (стр. 61), которое ничѣмъ не подтверждается, то онъ могъ-бы упомянуть въ нѣсколькихъ словахъ о крещеніи Ольги при описаніи ея приемовъ, что не составило-бы уклоненія отъ цѣли его труда; вѣдь въ *De administrando imperio* при описаніи пути Русскихъ изъ Россіи въ Константинополь императоръ Константинъ приводитъ славянскія и русскія названія пороговъ Днѣпра, а какое отношеніе имѣютъ названія эти къ наставленію объ управленіи византійской имперіей, писанному къ сыну его? Такъ точно въ описаніи обрядовъ византійскаго двора можно было-бы упомянуть о крещеніи Ольги въ Царьградѣ при описаніи ея приемовъ, если-бы даже Багрянородный и самъ счелъ за уклоненіе отъ цѣли своего сочиненія описаніе ея крещенія, тѣмъ болѣе, что сказавъ о крещеніи Ольги въ Константинополѣ императоръ этимъ показалъ-бы, какое вліяніе имѣли сношенія Грековъ съ языческими народами въ дѣлѣ распространенія христіанства, какъ язычники, сознавая ничтожество своихъ боговъ, являлись смиренно въ Царьградъ, дабы отъ Грековъ просвѣтиться свѣтомъ истины. Кромѣ того, самъ Багрянородный вовсе не описываетъ въ *De cerimoniis* только одни обряды двора. Въ этомъ своемъ трактатѣ онъ сообщаетъ цѣлый рядъ извѣстій о государственныхъ переворотахъ, которыми достигли престола византійскаго Левъ I, Анастасій, Юстинъ I, Никифоръ Фока, что по справедливому замѣчанію Рамбо не должно-бы имѣть мѣста въ руководствѣ церемоніала (*L'empire Grec* p. 128. Rambaud). Въ этомъ же сочиненіи помѣщенъ краткій указатель всѣхъ византійскихъ императоровъ, царствовавшихъ въ Византіи послѣ Константина Великаго, говорится объ издержкахъ, сдѣланныхъ на двѣ критскія экспедиціи при императорѣ Львѣ VI (903 г.) и Константинѣ VII (959 г.), при чемъ указаны не только суммы денегъ, выданныя каждому офицеру и солдату, издержки въ матеріалѣ, но высчитаны топоры, заступы, корзины, гвозди (*ibid.* p. 129). Изъ этихъ примѣровъ, приведенныхъ Рамбо видно, что не объ однихъ только обрядахъ трактуетъ Багрянородный въ *De cerimoniis*.

Далѣе, пр. Евгенийъ указываетъ, что Константинъ не упоминаетъ о Туркахъ, приходившихъ въ Царьградъ для принятія св. крещенія, изъ чего не слѣдуетъ, что Турки эти не приходили въ Царьградъ и не были крещены, поэтому нельзя, говоритъ онъ, изъ неупоминанія Багрянороднаго о крещеніи св. Ольги въ Царьградѣ заключить, что она не была крещена въ этомъ городѣ.

У Кедрина и Зонары есть извѣстіе, что венгерскіе князья Вулосудъ и Гиласъ крестились въ Царьградѣ, были почтены императорамъ и награждены дарами. ¹⁰⁾ О крещеніи ихъ Кедринъ и Зонара рассказываютъ послѣ извѣстія о коронованіи Константиномъ сына его Романа предъ извѣстіемъ о

крещеніи Ольги. Быть можетъ, что Константинъ нигдѣ не говоритъ о крещеніи этихъ князей потому, что они были одними изъ начальниковъ племенъ, принятіе христіанства однимъ или нѣсколькими изъ нихъ не могло имѣть такихъ послѣдствій по расчетамъ византійскаго правительства, какъ принятіе христіанства княгиней русской, которая въ малолѣтство своего сына была правительницей государства русскаго; кромѣ того, о приѣмѣ этихъ князей Константинъ ничего не говоритъ въ *De cerimoniis*, и нигдѣ о нихъ не упоминаетъ, тогда какъ приѣмъ русской великой княгини онъ подробно описалъ.

Одинъ изъ этихъ князей—Гиласъ остался вѣренъ христіанству, и епископъ, прибывшій съ нимъ, крестилъ многихъ изъ его племени; что касается Вулосуда, то онъ, отвергнувъ свой союзъ съ Богомъ, часто нападалъ на византійскую имперію. Относительно великой княгини Ольги Греки могли надѣяться, что крестившись она станетъ склонять и сына своего къ христіанству, что было по словамъ русской лѣтописи. Успѣла-бы она въ этомъ или нѣтъ, это вопросъ иной, но за крещеніемъ русскаго князя могло послѣдовать крещеніе цѣлаго народа, какъ то было при Владимірѣ, а не части племени. Несомнѣнно, что Багрянородный написавшій трактатъ *De administrando imperio*, хорошо сознавалъ разницу между русской княгиней и венгерскими князьями; если онъ могъ обойти молчаніемъ ихъ крещеніе потому что не представлялось повода къ упоминанію о немъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что онъ могъ умолчать о крещеніи Ольги, когда представлялся поводъ сказать о немъ.

Пр. Евгеній говоритъ: „изъ самой той Константиновой книги (*de cerim. a. B.*) можно довольно усмотрѣть о крещеніи Ольги; ибо упоминается тамъ неоднократно о священникѣ именемъ Григоріи, который находился при княгинѣ яко учитель въ законѣ или духовникъ“ (ib. стр. 65 и 67). Дѣйствительно, изъ упоминанія священника Григорія въ числѣ лицъ свиты Ольги можно заключить, что во время приѣмовъ ея Багрянороднымъ она была христіанкой, но вопросъ въ томъ, гдѣ она приняла христіанство. Такъ какъ священникъ Григорій упоминается въ числѣ свиты Ольги, и наравнѣ съ прочими лицами свиты получилъ оба раза подарки, то можно предположить, что Григорій прибылъ съ Ольгою въ Царьградъ изъ Кіева, что онъ состоялъ при ней уже крещеной, и состоялъ при томъ столько времени, что считался въ числѣ свиты ея. Пр. Евгеній объясняетъ присутствіе священника Григорія при Ольгѣ тѣмъ, что она или была крещена уже въ Царьградѣ предъ этимъ приѣмомъ или приготовлялась къ крещенію (ib. стр. 73). Но присутствіе Григорія въ свитѣ Ольги, получившаго притомъ подарокъ на ряду съ другими изъ свиты, указываетъ, что онъ сталъ какъ-бы чужимъ для Грековъ, если только онъ былъ родомъ Грекъ, гостемъ, котораго какъ и другихъ гостей надо было почтить подаркомъ. Онъ вѣроятно пріѣхалъ съ Ольгою изъ

Кіева, и быть может своими разсказами о святыхъ Константинополя побудилъ еѣ предпринять это путешествіе; будучи-же ея духовникомъ, онъ отправился съ нею какъ близкій къ ней человѣкъ въ качествѣ путеводаителя по Царьграду. Если Григорій былъ приставленъ въ Константинополѣ къ Ольгѣ въ качествѣ ея наставника въ христіанствѣ, то къ чему было ему присутствовать при пріемахъ ея въ числѣ ея свиты и получать подарки подобно всѣмъ прочимъ лицамъ ея свиты? За наставленіе Ольги въ христіанствѣ онъ получилъ-бы отъ императора награду отдѣльно отъ свиты Ольги, и притомъ не 8 миліарисевъ, не говоря уже о томъ, то такая награда была преждевременною, если Ольга въ то время не была еще крещена. Незначительность-же денежнаго подарка, сдѣланнаго Григорію, наводитъ на мысль, что врядъ-ли онъ былъ грекъ.

Карамзинъ, придерживаясь лѣтописнаго разсказа, полагаетъ крещеніе Ольги въ 955 г. въ Царьградѣ. „Ольга, говоритъ онъ, достигла уже тѣхъ лѣтъ, когда смертный удовлетворивъ главнымъ побужденіямъ земной дѣятельности, видитъ близкій конецъ ея предъ собою и чувствуетъ суетность земнаго величія“. Съ христіанствомъ Ольга познакомилась въ Кіевѣ, по мнѣнію Карамзина, гдѣ „имя Бога Вседержителя уже славилось“, пожелала принять св. крещеніе, для чего и отправилось въ Константинополь, „чтобы почерпнуть христіанство въ самомъ его источникѣ“; здѣсь патриархъ былъ ея наставникомъ и крестителемъ, а Багрянородный воспріемникомъ отъ купели. Сказаніе лѣтописи, будто Константинъ, плѣненный красотою и разумомъ Ольги предложилъ ей свою руку и корону, Карамзинъ считаетъ баснословіемъ (Ист. Госуд. Рос. т. I стр. 101 sq. изд. Эйнерлинга). Познакомившись съ христіанствомъ въ Кіевѣ, Ольга могла здѣсь и креститься, но говоритъ Карамзинъ, она хотѣла почерпнуть христіанство въ самомъ источникѣ, поэтому и отправилась въ Царьградъ.

Если Ольга почувствовала суетность земнаго величія, то она крестилась-бы какъ всякій простой смертный, а не воспользовалась-бы тѣмъ, что она мать русскаго великаго князя, и поэтому можетъ надѣяться на принятіе крещенія отъ патриарха и на воспріемничество императора.

Опровергая извѣстіе Татищева, ссылавшагося на лѣтопись Симона Епископа (который никогда не былъ лѣтописцемъ), будто „Ольга хотѣла, но не могла креститься въ Кіевѣ, боясь народа, и для того, по данному ей отъ христіанъ совѣту, отправилась въ Константинополь“ (Исторія Рос. Татищева II стр. 41 и прим. 130), Карамзинъ указываетъ, что народъ терпѣлъ христіанъ въ Кіевѣ, и что Ольга могла тайно креститься (т. I, прим. 378). Кромѣ того, или крещеніе Ольги въ Царьградѣ могло стать извѣстнымъ на Руси, или по пріѣздѣ ея въ Кіевъ могло обнаружиться что она христіанка, слѣдовательно и опасность отъ крещенія въ Царьградѣ не уменьшалась, а между тѣмъ, пріѣхавъ въ Кіевъ Ольга не скрывала что она христіанка, по

уговаривала сына креститься, который мотивировалъ свой отказъ вовсе не страхомъ предъ народомъ. ¹¹⁾ Крестилъ Ольгу не патріархъ Фотій, говоритъ Карамзинъ, ибо Фотія около 60 лѣтъ не было въ живыхъ когда крестилась Ольга, но Теофилактъ или Поліевктъ.

Если Карамзинъ полагаетъ крещеніе Ольги въ 955 г., то её крестилъ Теофилактъ, умершій въ 956 г.

Карамзинъ слѣдуетъ хронологіи лѣтописца указывая на то, что по извѣстіямъ Багрянороднаго крещеніе ея должно быть отнесено къ 957 г. Молчаніе-же его относительно крещенія Ольги Карамзинъ объясняетъ тѣмъ, что въ книгѣ, сочиненной единственно для описанія придворныхъ обрядовъ, не нужно было говорить о крещеніи. Въ доказательство крещенія Ольги въ Царьградѣ Карамзинъ ссылается на Кедрина и продолжателя аббата Регинона (*ibid.* I т. прим. 381). Разбирая рассказъ лѣтописца русскаго о предложении императоромъ своей руки и короны Ольгѣ, Карамзинъ опровергаетъ его тѣмъ, что супруга Багрянороднаго въ то время была жива, и что въ 955 г. Ольгѣ было уже 64 года.

Такимъ образомъ Карамзинъ полагаетъ крещеніе Ольги въ Царьградѣ въ 955 г. на основаніи лѣтописнаго извѣстія, молчаніе-же Багрянороднаго о крещеніи Ольги объясняетъ какъ и Евгенийъ Булгарисъ тѣмъ, что *De cerim. aulae Byz.* было посвящено только описанію придворныхъ обрядовъ.

Соловьевъ говоритъ, что вѣрише полагать крещенія Ольги въ 957 г., а не въ 955 г., и мѣстомъ ея крещенія считаетъ Константинополь. О побужденіяхъ, заставившихъ Ольгу принять христіанство, мы ничего не находимъ, продолжаетъ онъ, ни въ спискахъ нашей лѣтописи ни въ иностранныхъ извѣстіяхъ; могло быть, что Ольга отправилась въ Царьградъ язычницею безъ твердаго еще намѣренія принять новую вѣру, была поражена въ Константинополѣ величіемъ греческой вѣры, и возвратилась домой христіанкой. Но, замѣчаетъ онъ, трудно отвергать, что Ольга была уже въ Кіевѣ знакома съ христіанствомъ и предубѣждена въ его пользу. Соловьевъ, какъ и Карамзинъ, не допускаетъ извѣстія Татищева, что Ольга не хотѣла креститься въ Кіевѣ боясь язычниковъ. (Исторія Россіи I. 125. 1851 г.).

Итакъ, Соловьевъ въ годъ крещенія Ольги отдастъ преимущество извѣстію Багрянороднаго о пребываніи ея въ Царьградѣ, а въ мѣстѣ крещенія слѣдуетъ показанію русскаго лѣтописца. Молчаніе Багрянороднаго о крещеніи Ольги въ Константинополѣ Соловьевъ ничѣмъ не объясняетъ; что касается извѣстія западныхъ лѣтописцевъ о приходѣ пословъ отъ княгини Ольги, крестившейся въ Константинополѣ, къ императору Оттону I, то Соловьевъ полагаетъ, что посольство это было ложное, что послы принадлежали къ числу такихъ Варяговъ, которые по нѣскольку разъ крестились дабы получать дары, и что ради хорошаго приѣма и полученія даровъ отъ

императора Оттона I Варяги эти объявили себя послами русской княгини, прося епископа и священниковъ для Русскихъ.

Пр. Макарій разбираетъ четыре разногласія относительно крещенія Ольги: во 1-хъ относительно побужденія посѣтить Царьградъ, во 2-хъ относительно мѣста ея крещенія, въ 3-хъ относительно времени этого событія и въ 4-хъ — посылала-ли Ольга послѣ своего крещенія къ нѣмецкому императору Оттону I пословъ съ просьбою прислать епископа и священниковъ („Исторія христ. въ Рос до равноап. кн. Владиміра“ стр. 304).

Относительно перваго вопроса пр. Макарій говоритъ, что онъ не согласенъ съ тѣмъ мнѣніемъ, будто недостатокъ христіанскихъ пастырей могъ побудить Ольгу поѣхать въ Царьградъ для крещенія. Онъ обращаетъ вниманіе на то, что Ольга при себѣ имѣла духовное лицо — Григорія, который ей сопутствовалъ въ Грецію изъ Кіева, и который самъ могъ бы крестить ее въ Кіевѣ; далѣе, неосновательно, по его мнѣнію, будто Ольга не могла креститься въ Кіевѣ боясь народа, и для того отправилась въ Царьградъ. Неосновательно также полагаютъ, продолжаетъ Макарій, что Ольга поѣхала въ Константинополь безъ всякой мысли о перемѣнѣ вѣры и тамъ уже плѣнилась христіанскимъ богослуженіемъ и рѣшилась креститься, или, неопредѣляя съ точностью, когда и отъ чего родилась въ ней это благочестивая рѣшимость, утверждаютъ, будто Ольга предприняла путешествіе въ Константинополь для одного только внѣшняго просвѣщенія и образованія, какъ напр. Петръ Великій путешествовалъ по Европѣ.

Шлецеръ, котораго пр. Макарій постоянно имѣетъ въ виду, изъ лѣтописнаго разсказа о крещеніи Ольги принялъ за достовѣрное: что во 1-хъ Ольга была въ Царьградѣ, во 2-хъ — въ 955 г., въ 3-хъ принята была при императорскомъ дворѣ торжественно и въ 4-хъ — была одарена, все-же остальное въ лѣтописномъ разсказѣ онъ счелъ за выдумку („Несторъ“ III, 363). Считая бреднями политическіе виды, побудившіе Ольгу къ путешествію въ Царьградъ, Шлецеръ признаетъ возможнымъ, что Ольга и въ Кіевѣ могла принять намѣреніе креститься.¹²⁾

Относительно причины, побудившей Ольгу ѣхать въ Царьградъ, пр. Макарій полагаетъ, что Карамзинъ вполне вѣрно опредѣлилъ ее. Пр. Макарій не согласенъ съ Шлецеромъ относительно національности священника Григорія. Шлецеръ предполагалъ въ немъ Грека: „судя по имени, сей попъ былъ кажется Грекъ“ („Несторъ“ III, 410). По мнѣнію пр. Макарія справедливѣе предположить въ Григоріѣ Славянина, если онъ дѣйствительно былъ наставникомъ Ольги, потому что Ольга не знала греческаго языка. Пр. Макарій вполне основательно возражаетъ Шлецеру, что по имени судить нельзя о національности Григорія; но если Ольга не знала греческаго языка, то изъ этого еще не вытекаетъ, что Григорій былъ непремѣнно Славянинъ,

ибо будучи Грекомъ онъ могъ узнать русскій языкъ въ Кіевѣ, откуда пріѣхалъ съ Ольгою въ Царьградъ по мнѣнію самаго-же пр. Макарія. То обстоятельство что Григорій долженъ былъ знать русскій языкъ и можетъ указывать, что онъ пріѣхалъ съ Ольгою изъ Кіева, что онъ жилъ довольно долго въ Кіевѣ и успѣлъ изучить русскій языкъ, если только онъ былъ Грекъ, но нельзя отвергать и того, что Григорій могъ быть Славянинъ, ибо Багрянородный не говоритъ объ его національности. Разбирая вопросъ о мѣстѣ крещенія Ольги, пр. Макарій объясняетъ молчаніе Багрянороднаго о крещеніи Ольги тѣмъ, что „Константинъ описываетъ въ своемъ сочиненіи только обряды употреблявшіеся при Византійскомъ дворѣ во время пріема иностранныхъ пословъ, и въ частности повторившіеся во время пріема нашей великой княгини, поэтому Константину вовсе неумѣстно было говорить въ своемъ Обрядникѣ о такомъ происшествіи, которое ни въ какомъ случаѣ не могло быть отнесено къ придворному обряду; между тѣмъ мысль о крещеніи Ольги въ Царьградѣ подтверждается съ одной стороны нашимъ лѣтописцемъ, который достоверно могъ узнать о немъ по живому еще передаію, а съ другой — лѣтописцами Византійскими, а также однимъ Франкскимъ лѣтописцемъ, едва-ли не современникомъ Ольги“ („Ист. христ. до Влад. св.“ стр. 309). Но далѣе пр. Макарій говоритъ: „необыкновенно торжественно было крещеніе Русской княгини. Самъ патріархъ совершалъ надъ нею великое таинство, и самъ Императоръ воспринималъ ее отъ купѣли, разумѣется, въ присутствіи всего своего блестящаго двора и при стеченіи безчисленнаго множества другихъ жителей столицы“ (ibid. стр. 319).

Неужели, если крещеніе Ольги было такъ торжественно обставлено въ присутствіи всего блестящаго двора, небыли соблюдаемы извѣстныя церемоніи, до которыхъ былъ такъ падохъ византійскій дворъ? Этотъ-то церемоніаль при крещеніи Ольги и долженъ былъ описать Багрянородный, такъ какъ онъ вполне соответствовалъ бы цѣли его сочиненія. Пр. Евгеній Булгарисъ, видя неосновательность такого объясненія молчанія Константина о крещеніи Ольги, предположилъ, что Константинъ воспринималъ Ольгу не какъ императоръ, а какъ простой христіанинъ (Евгенія Булгариса, архіепископа Славенскаго и Херсонскаго „Историч. розысканіе о времени крещенія Ольги“. Спб. 1792 г. Изслѣдованіе это есть письмо къ профессору словесности въ полтавской гимназіи — Фридриху Шаллю).

Шлецеръ удивляется, что молчаніе Багрянороднаго о крещеніи Ольги въ Царьградѣ могло заставить Геснера, Бюшинга и Тунманна усомниться въ мѣстѣ этого событія (ibid. 417 пр. 1) „Самый титулъ, говоритъ онъ, какъ и все содержаніе сочиненія Багрянороднаго показываетъ, что въ немъ описывается только обрядъ, бывшій въ употребленіи при императорскомъ дворѣ, въ процессіяхъ, большихъ праздникахъ, при пожалованіи въ чины и проч

А такъ какъ крещеніе Ольги не принадлежало къ придворному и часто бывшему обряду, то поэтому Константинъ и не описалъ его. Только приѣмъ ея принадлежалъ къ этой книгѣ, а замѣчанія о ея крещеніи нельзя было внести въ описаніе приѣма, потому что вѣроятно крещенія еще тогда не было. И Геснеръ и Тунманнъ, выдержки изъ которыхъ проводитъ Шлецеръ, вполне основательно замѣчаютъ, что страннымъ является то обстоятельство, что описывая мельчайшія подробности приѣмовъ Ольги, Константинъ не упомянулъ ни однимъ словомъ о крещеніи ея. Дѣйствительно, крещеніе Ольги не принадлежало къ часто бывшему обряду, какъ говоритъ Шлецеръ, но изъ этого не слѣдуетъ, что Константинъ не написалъ-бы объ обрядѣ крещенія Ольги съ не-церковной стороны; такой церемоніаль, какъ никогда до тѣхъ поръ не бывавшій при такой обстановкѣ, именно вслѣдствіе его рѣдкости Багрянородный описалъ-бы какъ руководство на будущее время, если повторится подобный случай. Если Багрянородный описывалъ только обряды могущіе часто повторяться, то къ чему ему было описывать приѣмъ Ольги послѣ помѣтки въ началѣ описанія этого приѣма: ἐγένετο δοχὴ κατὰ πάν-
τα ὅμοια τῆς προῤῥηθείσης δοχῆς? Вѣдь подробности приѣма Ольги: какъ она кланялась, гдѣ сидѣла и т. п. касающееся поведенія Ольги не принадлежало къ часто бывшему обряду. Страннымъ является объясненіе, будто Багрянородный, задавшись извѣстною цѣлью, не могъ уклониться отъ нея на столько, чтобы написать нѣсколько словъ не соотвѣтствовавшихъ намѣченной имъ цѣли, тѣмъ болѣе, что самъ онъ въ своихъ сочиненіяхъ не подаетъ повода къ такому объясненію.

Шлецеръ высказываетъ и такое предположеніе, что Ольга еще не была крещенною когда Константинъ ее принималъ, почему онъ и умолчалъ объ ея крещеніи, но такая догадка ни на чемъ не основана. Если Ольга не была крещена ни когда она была принята 9-го сентября, ни когда ее принималъ императоръ 18-го октября, то послѣ ея крещенія ей должна-бы быть дана прощальная аудіенція предъ ея отъѣздомъ въ Кіевъ, ибо если Багрянородный принималъ еѣ два раза когда она была язычницею, то навѣрное принималъ-бы еѣ христіанку, когда ей слѣдовало отблагодарить императора за воспріимничество, описанія же инаго приѣма кромѣ этихъ двухъ у Багрянороднаго нѣтъ, и предположить, что Константинъ не описалъ-бы 3-го приѣма описать первые два, нѣтъ основанія. Если Ольга крестилась послѣ двухъ приѣмовъ при византійскомъ дворѣ, какъ предполагаетъ Шлецеръ, то могло быть, что на одномъ изъ этихъ приѣмовъ она заявила императору о своемъ желаніи принять св. крещеніе, къ чему представлялся удобный случай когда она во время приѣма 9-го сентября ἐλάλησεν ὅσα ἐβούλετο πρὸς τὸν βασιλέα; и естественнѣе допустить, полагая крещеніе Ольги въ Царьградѣ, что она при первомъ приѣмѣ была язычницею и заявила императору о своемъ желаніи принять

христіанство, а послѣ подготовленія къ таинству крещенія и совершенія надъ нею этого таинства явилась 18-го октября отклоняться императору и поблагодарить его за воспріемничество, но такихъ предположеній ни начесть основать нельзя. ¹³⁾

Мнѣніе о крещеніи Ольги въ Царьградѣ, говоритъ пр. Макарій, подтверждается свидѣтельствомъ нашего лѣтописца, который могъ достовѣрно узнать объ Ольгѣ по живому еще въ его время преданію. Но преданіе о крещеніи Владиміра св. и Руси должно было быть для лѣтописца еще свѣжѣе, ибо оно было ближе къ его времени, будучи къ тому болѣе крупнымъ событіемъ чѣмъ крещеніе Ольги, однако самъ лѣтописецъ говоритъ, что относительно мѣста крещенія Владиміра въ его время говорили разнo.

Относительно времени пребыванія Ольги въ Царьградѣ пр. Макарій полагаетъ, что его слѣдуетъ относить къ 957 г., и что въ этомъ-же году Ольга приняла крещеніе въ Царьградѣ отъ патріарха Полевкта. Шлецеръ говоритъ, что Ольга была въ Царьградѣ въ 955 г. или въ 956 г., и тогда-же была крещена патріархомъ Теофилактомъ (Несторъ III, 444).

Обращаясь къ вопросу о достовѣрности посланія Ольгою пословъ къ Оттону I, пр. Макарій думаетъ, что послы Ольги могли быть у Оттона по какимъ-либо политическимъ дѣламъ, а совсѣмъ не по дѣламъ вѣры, но что Оттонъ, извѣстный своею ревностью въ распространеніи римской вѣры, узнавъ отъ этихъ пословъ о крещеніи великой княгини въ Константинополѣ, самъ послалъ къ ней миссіонеровъ ¹⁴⁾ (Ист. христ. стр. 315). Но въ это время Ольга не была правительницей, и если къ Оттону были отправлены послы по какимъ-либо политическимъ дѣламъ, то скорѣе всего отъ Святослава, а не отъ Ольги. Шлецеръ считаетъ несомнѣннымъ, что Ольга посылала пословъ къ Оттону I съ просьбой прислать епископа и священниковъ (Несторъ III, 452 sq.). Соловьевъ вполне основательно замѣчаетъ, что изъ самыхъ словъ продолжателя аббата Регинона ясно видно, что послы эти должны отъ имени Ольги испросили епископа и священниковъ (Ист. Рос. I, 217. 1883 г.). Впрочемъ вѣрнымъ кажется предположеніе Соловьева, что послы эти были изъ такихъ, которые изъ-за подарковъ крестились по нѣскольку разъ, и что въ данномъ случаѣ они назвали себя послами Ольги и просили епископа съ священниками въ надеждѣ получить хорошій пріемъ и дары отъ императора Оттона I.

Такимъ образомъ пр. Макарій относительно мѣста крещенія Ольги слѣдуетъ лѣтописцу, а относительно времени этого событія—извѣстію Багрянороднаго, находя объясненіе умолчанія Багрянороднымъ о крещеніи Ольги въ томъ, что цѣль его сочиненія не позволяла ему упомянуть объ этомъ событіи.

Погодинъ говоритъ, что воспріемникомъ великой княгини Ольги былъ императоръ Константинъ Багрянородный, и пребываніе ея въ Царьградѣ полагаетъ около 955 г. Изъ лѣтописнаго разсказа о крещеніи Ольги онъ признаетъ достовѣрнымъ только то что Ольга была въ Царьградѣ, сомнѣваясь такимъ образомъ относительно крещенія ея въ этомъ городѣ. („Исслѣдованія“ I стр. 5 и 181). Погодинъ допускаетъ возможность принятія ею крещенія до поѣздки въ Константинополь (ibid стр. 9). Но въ другомъ мѣстѣ онъ рѣшаетъ, что Ольга была въ Царьградѣ въ 957 г. съ цѣлью принять тамъ крещеніе, увидѣть городъ и получить дары (Древн. Р. Ист. т. I, 46).

И. Е. Забѣлинъ полагаетъ крещеніе Ольги въ Царьградѣ. Онъ говоритъ, что „Ольга могла креститься и въ Кіевѣ, могла для этого поѣхать въ Корсунь, но побудило ее избрать мѣстномъ крещенія Царьградъ то обстоятельство, что тутъ было средоточіе христіанской жизни, хранилось св. памятники христіанства отъ первыхъ вѣковъ, что тутъ только можно было созерцать величіе христіанскаго обряда и красоту церковную“ (Исторія рус. жизни II. 181, 196, 200). Несомнѣнно, что такія побужденія могли вызвать въ Ольгѣ желаніе креститься въ Царьградѣ, эти-же побужденія могли быть у нея и для путешествія въ Царьградъ послѣ принятія крещенія. Мудрость Ольги и годы ея могутъ служить для доказательства того, что не величіе обряда и красота церквей могли её склонить къ христіанству, и что врядъли она желала, чтобы ея крещеніе сопровождалось пышностью.

Затѣмъ И. Е. Забѣлинъ говоритъ, что великая княгиня Ольга была удостоена императоромъ душевной бесѣды „какъ христіанка, и, быть можетъ, именно по случаю ея крещенія въ Царьградѣ“, при чемъ думаетъ, что Кедриново „была достойно почтена императоромъ“ и есть эта душевная бесѣда. „Вообще этотъ пріемъ заключаетъ онъ, не оставляетъ сомнѣнія, что Ольга, если не была уже крещена ранѣе, то именно въ это время крестилась въ Царьградѣ“.

Д. И. Иловайскій неизвѣстнымъ считаетъ, крестилась-ли Ольга въ Кіевѣ и пріѣхала въ Царьградъ для поклоненія святынямъ его, для благословенія отъ патріарха и полученія знаковъ вниманія отъ императоровъ Константина и Романа, или крестилась въ Константинополѣ, желая принять крещеніе изъ рукъ патріарха и имѣть воспріемникомъ императора. Онъ отмѣчаетъ то обстоятельство, что при Ольгѣ находился священникъ Григорій. Годомъ пребыванія Ольги въ Царьградѣ онъ полагаетъ 957 г. („Истор. Рос.“ I, 40). Разбирая извѣстія о крещеніи Ольги Д. И. Иловайскій указываетъ, что свѣдѣтельства о крещеніи Ольги въ Царьградѣ принадлежатъ лѣтописцамъ не современнѣмъ событію, а русская лѣтопись вообще украшаетъ свой разсказъ баснословіемъ (ibid. прим. 14-е). Объясненіе молчанія Багрянороднаго о крещеніи Ольги въ De cerim. aul. Byz. тѣмъ, что онъ имѣлъ въ виду только опи-

саніе церемоніального приѣма, Д. И. Иловайскій, какъ и г. Бестужевъ-Рюминъ („Рус. Исторія“ I, 2, 102 прим. 18) считаетъ недостаточно сильнымъ. Приводя извѣстіе Продолжателя аббата Регинона о посольствѣ Ольги къ императору Оттону I, Д. И. Иловайскій высказываетъ предположеніе, что это посольство могло имѣть связь съ нѣкоторымъ недовольствомъ, которое Ольга возмѣла противъ византійскаго правительства („Исторія Рос.“ I, 43). Извѣстіе Продолжателя, повторенное другими западными лѣтописцами, онъ считаетъ темнымъ (ibid прим. 15).

Проф. Голубинскій въ своемъ трудѣ: „Исторія русской церкви“ указываетъ, что выдающійся умъ Ольги побудилъ еѣ обратить вниманіе на христіанство и убѣдиться въ истинѣ его, что это убѣжденіе появилось не вдругъ, и что ставъ внутреннею христіанкою при Игорѣ, она не могла креститься при немъ по причинамъ политическимъ. Затѣмъ онъ переходитъ къ вопросамъ: когда и гдѣ крестилась Ольга. Согласиться съ общепринятымъ мнѣніемъ что Ольга крестилась въ Царьградѣ въ 957 г., проф. Голубинскій признаетъ невозможнымъ, ибо Багрянородный въ описаніи приѣмовъ Ольги ничего не говоритъ о томъ, что она пріѣхала въ Константинополь для крещенія и была тамъ крещена. Объясненіе умолчанія Багрянороднымъ о крещеніи Ольги тѣмъ, будто онъ не имѣлъ нужды говорить о крещеніи ея въ сочиненіи назначенномъ для описанія придворныхъ обрядовъ, проф. Голубинскій считаетъ не удовлетворительнымъ на томъ основаніи, что во 1-хъ крещеніе Ольги принадлежало-бы къ особымъ, весьма рѣдко могущимъ случиться придворнымъ церемоніямъ, почему Константинъ и долженъ былъ описать ихъ съ особою тщательностью, а во 2-хъ, если даже предположить что онъ намѣревался описать церемонію крещенія Ольги въ особомъ сочиненіи, то отсылая за подробностями къ этому особому сочиненію, онъ долженъ былъ упомянуть о немъ при описаніи приѣмовъ Ольги. Далѣе, говоритъ проф. Голубинскій, изъ самаго описанія приѣмовъ Ольги видно, что Константинъ начинается съ самаго перваго приѣма, а такъ какъ на этомъ приѣмѣ присутствовалъ священникъ Ольги въ числѣ ея свиты, то изъ этого очевидно, что она прибыла въ Константинополь христіанкою (Исторія р. ц. I, 1-я половина стр. 64—73). Вѣроятнѣйшимъ считаетъ проф. Голубинскій крещеніе Ольги въ Кіевѣ на томъ основаніи, что допуская крещеніе Ольги въ Константинополь необходимо принять два путешествія ея въ Царьградъ: одно въ 957 г., когда она была уже крещена, другое когда-то прежде для крещенія. Невозможность двухъ путешествій проф. Голубинскій доказываетъ тѣмъ, что во 1-хъ путешествія въ Константинополь были опасны и трудны, а также стоили не дешево, а во 2-хъ, говоритъ онъ, слѣдуетъ думать, что Ольга крестилась не особенно задолго до 957 г., но предполагать двѣ поездки въ Царьградъ въ небольшой промежутокъ времени, было-бы очень

невѣроятно. И дѣйствительно, невѣроятными покажутся такіа двѣ поѣздки Ольги въ Царьградъ, если принять во вниманіе ея лѣта, трудность пути изъ Кіева въ Царьградъ, о которомъ самъ Багрянородный говоритъ, что онъ преисполненъ мученій, страха, весьма труденъ и опасенъ (*De admin. imperio cap. IX p 74 ed. Bon.*), а также то обстоятельство, что Ольга была недовольна долгимъ ожиданіемъ въ константинопольской гавани („аще ты также постоиши у мене въ Почайнѣ, якоже азъ въ Суду“).

Мнѣніе о крещеніи Ольги въ Константинополѣ, по объясненію проф. Голубинскаго, могло возникнуть потому, что являлось естественнымъ предположеніе будто Ольга затѣмъ и ѣздила въ Царьградъ чтобы въ столицѣ христіанскаго міра принять крещеніе отъ вселенскаго патріарха. Относительно времени крещенія Ольги проф. Голубинскій считаетъ вѣроятнымъ, что она крестилась тогда, когда перестала быть правительницею государства и отошла въ частную жизнь, послѣ чего народъ уже не имѣлъ права спрашивать съ нея за ея поступки.

Можно думать, что Ольга крестилась переставъ быть правительницею не потому именно что боялась отвѣтственности предъ народомъ за свои поступки, а потому, что хотѣла, снявши съ себя бремя государственнаго управленія надъ языческимъ народомъ, вести жизнь христіанскую не отвлекаясь заботами правленія.

Такъ какъ неизвѣстно, говоритъ проф. Голубинскій, какой годъ возраста Святослава можетъ быть принять за гражданское совершеннолѣтіе, то полагая, что такой годъ долженъ быть считаемъ не ранѣе какъ 10 лѣтъ, мы получимъ, что Ольга крестилась въ промежутокъ между 952 и 957 гг., ибо Святославъ родился въ 942 г. Точнѣе проф. Голубинскій останавливается на годѣ указанномъ монахомъ Іаковомъ, т. е. на 954; монахъ Іаковъ согласно съ лѣтописью относитъ годъ смерти Ольги къ 969 г., и говоритъ, что она пожила въ христіанствѣ 15 лѣтъ, принявъ св. крещеніе въ Царьградѣ. (Память и похвала Владиміру Христ. гм. 1849 г. ч II, 317).

Что касается извѣстій западныхъ лѣтописцевъ о посольствѣ Ольги къ императору Оттону I съ просьбою прислать епископа и пресвитеровъ, то проф. Голубинскій считаетъ наиболѣе вѣроятнымъ, что Ольга прислала къ императору не за тѣмъ чтобы просить епископа и пресвитеровъ, а за чѣмъ-то другимъ, намъ неизвѣстнымъ, но что Оттонъ, какъ ревностный распространитель христіанства между Славянами, пользуясь случаемъ отправилъ къ Русскимъ не прошеннаго епископа, а лѣтописцы, зная что епископъ былъ отправленъ послѣ посольства, заключили, что онъ былъ посланъ вслѣдствіе посольства.

Такимъ образомъ проф. Голубинскій полагаетъ наиболѣе вѣроятнымъ, что Ольга крестилась въ Кіевѣ въ 954 г., слѣдуя въ годъ событія монаху Іакову, но не принимая его указанія на мѣсто событія. ¹⁵⁾

Рамбо признаетъ въ лѣтописномъ разсказѣ о крещеніи Ольги достовѣрнымъ путешествіе ея въ Царьградъ, и говоритъ, что Ольга быть можетъ была крещена въ Царьградѣ. Предложеніе руки Константиномъ Ольгѣ и просьбу подарковъ съ ея стороны у Ольги Рамбо безусловно отрицаетъ (*L'empire Grec au X siècle. Paris 1870. p. 380 et 399*).

Молчаніе современниковъ Багрянороднаго о крещеніи Ольги въ Царьградѣ Рамбо объясняетъ тѣмъ, что оно для нихъ казалось не важнымъ, и что Византійцамъ и Нѣмцамъ надобли скандинавскіе авантюристы, всегда готовые принимать крещеніе для того чтобы получать подарки. Относительно времени поѣздки Ольги въ Константинополь Рамбо полагаетъ, что она быть можетъ выѣхала изъ Кіева въ 955 г., въ 956 г. прибыла въ Константинополь, а въ 957 г. крестилась (*ibid p. 380 rem. 1*). Поводомъ къ описанію пріемовъ Ольги Багрянороднымъ было, по мнѣнію Рамбо, то обстоятельство, что Ольга была первою варварскою государынею, которую увидѣлъ Царьградъ. Обстоятельства пріема Ольги доказываютъ, говоритъ Рамбо, что правительство Византіи было высокаго мнѣнія или о могуществѣ Руси, или о ея богатствѣ, или о пользѣ союза съ нею.

Какъ видимъ, Рамбо хочетъ примирить извѣстія русскаго лѣтописца и императора византійскаго Константина. Но если Греки были такого высокаго мнѣнія о Руси какъ предполагаетъ Рамбо, то тогда они не могли смотрѣть на Ольгу какъ на авантюристку, которая изъ за подарковъ хотѣла принять крещеніе, и если одинъ ея пріѣздъ въ Царьградъ заслуживалъ такого вниманія что ея пріемы были описаны Багрянороднымъ, то еще большаго вниманія заслуживало ея крещеніе.

Предполагая, что Ольга была въ сношеніяхъ съ христіанскою общиною въ Кіевѣ, Рамбо говоритъ, что она не крестилась въ Кіевѣ изъ страха предъ язычниками (*ibid. p. 384*). Что касается предположенія Рамбо, будто Ольга выѣхала изъ Кіева въ 955 г., въ 956 г. прибыла въ Константинополь, а въ 957 г. приняла крещеніе, то съ нимъ трудно согласиться, потому что нѣтъ къ тому основаній.

Архимандритъ Леонидъ, считающій Ольгу на основаніи найденнаго имъ отрывка изъ древняго лѣтописца болгарскою княжною, полагаетъ, что Ольга поѣхала въ Царьградъ не для крещенія, а чтобы утвердить свое великое дѣло принятія христіанства и получить отъ Византіи „Цесарское вѣнчаніе“. („Рус. Стар.“ 1888 Іюль. „О родѣ вел. кн. Ольги“).

Желаніе согласить показаніе русскою лѣтописи о мѣстѣ и времени крещенія Ольги съ извѣстіемъ Багрянороднаго о пребываніи ея въ Царьградѣ въ 957 г., привело къ ни на чемъ не основанному предположенію о двухъ путешествіяхъ ея въ Царьградъ. Возникало и другое, также ни на чемъ не

основанное предположеніе, будто крещеніе Ольги было описано въ другомъ сочиненіи Багрянороднаго, до насъ не дошедшемъ.

Если предполагать крещеніе Ольги въ 957 г. то ни чѣмъ нельзя объяснить умолчанія Багрянороднымъ объ этомъ событіи, ибо объясненія Евгенія Булгариса, Шлепера, Карамзина, Пр. Макарія не удовлетворительны, другаго-же объясненія нельзя найти.

Что касается византійскихъ историковъ, говорящихъ о крещеніи Ольги въ Царьградѣ, то они не современны описываемому ими событію, продолжатель-же аббата Регинаона, хотя и современенъ этому событію, но его извѣстіе по всему вѣроятію почерпнуто отъ лжепословъ, которые сами могли не знать мѣста крещенія Ольги, къ тому-же Продолжатель этотъ, какъ замѣчаетъ проф. Голубинскій, уравнивается съ не современниками отдаленностью отъ Россіи.

Вѣроятнѣйшимъ кажется, принимая годъ русскаго лѣтописца, который съ монахомъ Іаковомъ расходится только въ одномъ годѣ, мѣстомъ крещенія считать Кіевъ: великая княгиня Ольга крестилась въ 955 г. въ Кіевѣ, а въ 957 г. ѣздила въ Царьградъ съ цѣлью паломничества. Лѣтописецъ русскій нашелъ запись, что въ 955 г. была крещена Ольга, а свѣдѣнія о крещеніи ея въ Царьградѣ почерпнулъ изъ преданія; а почему могло возникнуть преданіе о крещеніи Ольги въ Царьградѣ, какъ мы видѣли, объясняется легко. Что касается того, что въ записи, найденной лѣтописцемъ, былъ выставленъ только годъ крещенія, а мѣсто не было указано, то это могло произойти потому, что записавшій годъ крещенія Ольги жилъ въ Кіевѣ, и запись его была кратка. Возможно вполнѣ, что начальная запись о крещеніи Ольги, заимствованная лѣтописцемъ, была помѣчена 954 годомъ, а впослѣдствіи годъ былъ измѣненъ на 955-й.

Такимъ образомъ и извѣстіе Багрянороднаго не будетъ вызывать никакихъ недоумѣній, и сообщеніе лѣтописца русскаго о крещеніи великой княгини Ольги въ Царьградѣ найдетъ себѣ объясненіе, не ведущее къ полному отрицанію достовѣрности сообщеннаго имъ объ Ольгѣ.

Πριμτγανiя.

- 1) Πριємъ былъ подобенъ приему одного сарацинскаго посла.
- 2) Роману въ 946 г. шелъ 7-й годъ; Кедринъ сообщаетъ, что Романъ родился въ 939 г.: ιε' (15) δὲ Μαρτίου μηνός, τῆς ε' (6) ἰνδικτιῶνος, ἐν ἔτει .ςυοα' (6471), ἐτελεύτησε Ῥωμανός ὁ βασιλεὺς, ἐτῶν ὑπάρχων κδ' (24). (Cedr. „Historiarum compendium“ t. II. p. 344 ed. Bon.).
- 3) Ἐτει δὲ δωδεκάτῃ τῆς Κωνσταντίνου βασιλείας, τοῦ δὲ κόσμου .ςυξδ', μηνὶ Φεβρουαρίῳ κζ', ἰνδικτιῶνος ιδ', κατέλυσε τὸν βίον Θεοφύλακτος ὁ πατριάρχης, ἀρχιερατεύσας ἐπ' ἔτη κγ' ἡμέρας κε',—на 12-мъ году царствованiя императора Константина въ 6464 г. (956) 27-го февраля 14 индикта скончался патрiархъ Θεοφιλαктъ, бывъ на патрiаршемъ престолѣ 23 года и 25 дней (ibid. Cedr. II. p. 332.).
- 4) Καὶ ἡ τοῦ ποτὲ κατὰ Ῥωμαίων ἐκπλεύσαντος ἄρχοντος τῶν Ῥῶς γαμετή, Ἐλγά τοῦνομα, τοῦ ἀνδρός αὐτῆς ἀποθανόντος παρεγένετο ἐν Κωνσταντινουπόλει. Καὶ βαπτισθεῖσα καὶ προαίρεσιν εὐλικρινοῦς ἐνδείξαμένη πίστεως, ἀξίως τιμηθεῖσα τῆς προαιρέσεως ἐπ' οἴκου ἀνέδραμε. (Cedr. t. II p. 329).
- 5) Τῆς δὲ τῷ Ῥωμανῷ νυμφευθείσης κόρης τῆς Οὐγωνος παιδὸς ἀποθανούσης, ὥς εἵπομεν, παρθένου, νυμφεύεται αὐτῷ ὁ βασιλεὺς καὶ πατὴρ ἐτέραν γυναῖκα, οὗτινα τῶν ἐπιφανῶν (не изъ знатныхъ), ἀλλ' ἐκ χυδαίων φρεῖσαν καὶ τὴν τέχνην κατήλων (но низкаго происхожденiя отъ родителей—трактирщиковъ), Ἀναστασίαν καλοῦμένην, Θεοφανῷ δ' ὑπ' ἐκείνου μετονομασθεῖσαν Cedr. t. II. p. 329).
- 6) Δεκεμβρίῳ γὰρ μηνὶ ις' (15), ἰνδικτιῶνος θ' (9), ἔτους .ςφλδ' (6534) αἰφνιδίῳ νόσῳ ληφθεὶς ἀπεβίω (скоропостижно скончался)..... ζήσας μεν ἔτη ο' (70). (Cedr. II p. 479 sq.).
- 7) Извѣстiе Кедрина и Зонары о крещенiи Ольги въ Царыградѣ было-бы ясно, если-бы они пояснили мѣсто ея крещенiя добавивъ, напр. ἐκεῖ: καὶ βαπτισθεῖσα ἐκεῖ, i. e. ἐν Κωνσταντινουπόλει.
- 8) Legati Helenae reginae Rugorum, quae sub Romano imperatore Constantinopolitano Constantinopoli baptizata est, fecte, ut post claruit, ad regem venientes, episcopum et presbyteros eidem genti petebant (Pertz. Monumenta Germaniae hist. I, 624).

9) Transfretans autem mater sua Olha Constantinopolim, apud Graecos a Patriarcha Constantinopolitano in fide christiana edocta, superstitione gentilium relicta, baptismum accepit, barbaroque nomine mutato, pro Olha Helena appellatur (Лѣтопись зан. арх. ком. вып. IV прилож. стр. 70).

10) Οὐ διέλιπον δὲ καὶ οἱ Τούρκοι εἰςβολὰς εἰς τὴν Ῥωμαίων ποιούμενοι καὶ ταύτην δηρὸντες, μέχρις οὗ Βουλοσουδῆς ὁ τούτων ἀρχηγὸς τὴν τῶν Χριστιανῶν πίστιν ἀσπάζεσθαι ὑποκρίθεις κατειλήφει τὴν Κωνσταντίνου· καὶ βαπτισθεὶς ὑπὸ τοῦ βασιλέως ἀναδέχεται Κωνσταντίνου, τῇ τῶν πατρικίων ἀξία τιμηθεὶς καὶ πλείστων χρημάτων ὑπάρξας κύριος, εἰτ' αὖθις οἴκαδε ὑποστρέψας. Μετ' οὐ πολὺ δὲ καὶ Γυλαῖς, ἄρχων ὢν καὶ αὐτὸς τῶν Τούρκων, εἴσεισιν εἰς τὴν βασιλίδαν καὶ βαπτίζεται, τῶν ἴσων ἀξιωθείς καὶ αὐτὸς εὐεργεσιῶν καὶ τιμῶν. Ἀνελάβετο δὲ μεθ' ἑαυτοῦ καὶ τινα μοναχὸν Ἱεροθεὸν τοῦνομα, δόξαν εὐλαβείας ἔχοντα, ἐπίσκοπον Τουρκίας παρὰ τοῦ Θεοφυλάκτου χειροτονηθέντα, ὃς ἐκεῖσε γινόμενος πολλοὺς ἀπὸ τῆς βαρβαρικῆς πλάνης εἰς τὸν χριστιανισμόν ἐπαγγάγειν. Ἀλλ' ὁ μὲν Γυλαῖς ἐνέμεινε τῇ πίστει, μήτ' αὐτὸς ἔφοδόν ποτε κατὰ Ῥωμαίων πεποιηκώς, μήτε τοὺς ἀλίσκομένους Χριστιανοὺς ἀτμελήτους ἔων, ἀλλ' ἐξωγούμενος καὶ ἐπιμαλείας ἀξίων καὶ ἐλευθερῶν. Βουλοσουδῆς δὲ τὰς πρὸς θεὸν συνθήκας ἡθετηκώς, πολλάκις σὺν παντὶ τῷ ἔθνει κατὰ Ῥωμαίων ἐξήλασε. — Турки до тѣхъ поръ не прекращали своихъ набѣговъ на византийскую имперію, пока князь ихъ Вулосудъ, притворившись что онъ расположенъ къ христіанству, не прибылъ въ Константинополь. Крестившись здѣсь, онъ былъ принятъ императоромъ Константиномъ, почтенъ былъ достоинствомъ патриція, и щедро одаренный возвратился домой. Немного спустя прибылъ въ Константинополь Гиласъ, тоже князь турокъ, гдѣ и крестился, такъ-же почтенный и одаренный какъ и Вулосудъ. Онъ взялъ съ собою монаха Іерофея, знаменитаго благочестіемъ, который былъ поставленъ въ епископы Турокъ Θεοφιλακτῶмъ; по прибытіи къ туркамъ, Іерофей многихъ отъ варварскаго заблужденія обратилъ въ христіанство. Гиласъ пребывалъ въ христіанствѣ не нападая болѣе на византийскую имперію, и заботился о выкупѣ плѣнныхъ христіанъ. Вулосудъ-же, отвергнувъ свой союзъ съ Богомъ, часто нападалъ на предѣлы византийской имперіи со всемъ своимъ племенемъ (Cedr. II p. 328).

(107) 11) Проф. Голубинскій, допуская внутреннее христіанство Игоря, указываетъ, что свободы въ перемѣнѣ религіи для князя небыло въ такой степени какъ для его подданныхъ по причинамъ политическимъ (Ист. Р. Ц. I, 1, 61). Причинными политическими объясняется позднее принятіе христіанства Ольгою (ibid. Стр. 65). П. А. Лавровскій, въ своемъ изслѣдованіи объ Якимовской лѣтописи, признавая вполне правдоподобнымъ извѣстіе этой лѣтописи что Ольга была наставлена въ вѣрѣ христіанской еще въ Кіевѣ отъ бывшихъ тамъ священниковъ, признаетъ вѣроятнымъ и то извѣстіе этой-же лѣтописи, что Ольга не крестилась въ Кіевѣ изъ боязни народа, ибо народъ, говоритъ Лавровскій, допуская крещеніе среди себя, могъ опа-

саться крещенія правителей, дабы религія не перемѣнилась („Зап. II отд. Ак. Н.“ II).

12) Сказаніе лѣтописи о намѣреніи императора вступить въ бракъ съ Ольгою Шлецеръ называетъ сказкою, выдуманною какимъ-нибудь глупцомъ быть можетъ только въ XIV в. „Татищевъ, говоритъ Шлецеръ, не вѣрить этой сказкѣ, указывая что Ольгѣ было тогда за 60 лѣтъ. Ломоносовъ вѣрить въ половину, считая плѣненіе любовью къ Ольгѣ со стороны императора невѣроятнымъ обстоятельствомъ, а сватовство — шуткою надъ великою княгинею. Щербатовъ вѣрить отъ всей души“ („Несторъ“ III, 371). Татищевъ относительно времени и мѣста крещенія Ольги слѣдовалъ лѣтописному сказанію (Исторія Рос. II стр. 41), допуская неточность въ годѣ (ibid. прим. 131). Кн. Щербатовъ полагалъ, что Ольга крестилась въ Константинополѣ въ 955 г., Болтинъ-же призналъ достовѣрнымъ, что Ольга крестилась при Константиѣ Багрянородномъ, не считая годъ лѣтописи вполне достовѣрнымъ (Крит. прим. I, 235).

13) Какъ выставлена въ заглавіи описанія приема пословъ Эмира Тарсійскаго причина ихъ приѣзда въ Константинополь (De ser. p. 588), такъ могло-бы быть указано Багрянороднымъ въ заглавіи описанія приемовъ Ольги, если она приѣзжала въ Царьградъ для крещенія, съ какою цѣлью она явилась, напр. ἐλθοῦσας ἀπὸ βαπτισμοῦ ἐνεκα. Но принадлежатъ-ли эти заглавія Багрянородному? Въ заглавіи о приемахъ Ольги она названа Ἐλγα ἡ Ῥωσένη, но вездѣ въ описаніи ея приемовъ называется Ἐλγα ἡ ἀρχοντίσση Ῥωσίας, такъ что можно предположить, что заглавіе принадлежитъ не Багрянородному. На это обратилъ вниманіе еще Шлецеръ („Несторъ“ III, 443).

14) Пр. Макарій такимъ образомъ подтверждаетъ предположеніе, что извѣстіе о крещеніи Ольги въ Царьградѣ было заимствовано продолжателемъ аббата Регинона отъ этихъ русскихъ пословъ, которые сами, вѣроятно, были введены въ заблужденіе относительно мѣста крещенія Ольги ея поѣздкою въ Царьградъ.

15) Противъ мнѣнія проф. Голубинскаго о родѣ вел. княгини Ольги, мѣстѣ и времени ея крещенія выступилъ П. Л. („О началѣ христіанства въ Кіевѣ до торжественнаго принятія христіанской вѣры при св. Владимірѣ.“ Кіевск. Стар. іюнь 1888 г.). Ссылаясь на извѣстія Продолжателя аббата Регинона, Кедрина, Зонары, монаха Іакова, начальной лѣтописи и „Лѣтописца русскихъ царей“, П. Л. утверждаетъ что Ольга крестилась въ Царьградѣ, умолчаніе-же Багрянороднаго о крещеніи Ольги находитъ естественнымъ, ибо трактатъ De serimoniis а. В. не касался церковныхъ обрядовъ, повторяя такимъ образомъ объясненіе пр. Евгенія Булгариса, Шлецера и др. По мнѣнію П. Л. вел. княгиня Ольга крестилась послѣ перваго приема при кон-

стантинопольскомъ дворѣ. Въ объясненіи дѣли путешествія Ольги въ Царь-градъ П. Л. отдаетъ преимущество Карамзину.

Что касается мнѣнія о тождествѣ бывшаго при пріемахъ Ольги священника Григорія съ сотрудникомъ просвѣтительной дѣятельности болгарскаго князя Симеона Григоріемъ, переведшимъ хронику Іоанна Малалы „повелѣніемъ книголюбца князя Симіона, истинѣ же рещи боголюбца“, то согласиться съ этимъ препятствуетъ прежде всего вопросъ: былъ-ли живъ въ 957 г. Григорій „пресвитеръ и мнихъ всѣхъ церковникъ Болгарскихъ церквей“?

В. Савва.